

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 38, Is. 4, pp. 1011-1018, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 392 (470.21)

**Between the Prohibition and Indulgence:
Casual Religious Culture of the Orthodox Population Russian north
in the Second Half of the XIX – early XX century**

¹ Pavel V. Fedorov

² Alexey A. Malashenkov

¹ International Banking Institute, Russian Federation
Head of the Laboratory of geo-cultural researches and projects
Dr. (History), Professor
Work address: 60, Nevsky av., Saint-Petersburg, 191011
E-mail: Sever-Nordica@yandex.ru

² Murmansk State Regional Universal Scientific Library, Russian Federation
Chief bibliographer of Department digital library
Work address: 21a, Perovskoi S. av., Murmansk, 183038
E-mail: ruslib@mgounb.ru

Abstract

In article proposes a new approach to the study of everyday religious culture of the Orthodox population. On the basis of the reconstruction of the demographic data on the primary sources for the Register of 1863-1917 of province Cola, revealed the degree of compliance with the orthodox traditions: on the naming, marriage and sexual abstinence during the Great and Advent, the birth of children outside marriage, of re-marriage. The author comes to the conclusion that social modernization has little effect on the religious culture of the local population of the Russian North. The revolution of 1917 brought in a small town outside of atheism as an extraneous ideology.

Keywords: Kola North, modernization, daily, Orthodoxy, demography, genealogy, statistics, economics, Russian Empire.

Введение

При изучении процесса социальной модернизации России второй половины XIX – первой трети XX в. невозможно обойти вниманием вопросы бытования глубоких культурных традиций, к которым, несомненно, относится и религиозная культура. В какой степени новации влияют на фундаментальные культурные основания традиционного общества; как происходит адаптация старых и новых элементов культуры друг к другу; что изменяется в целой социокультурной конструкции – все эти вопросы требуют своего осмысления.

Происходившая в России социальная модернизация основывалась на динамичных экономических изменениях, бросая вызов статичным, старым культурным ориентирам: процесс обмирщения конкурировал со структурами религиозного сознания; внутри самой Церкви вызревал реформаторский дух; религиозные течения все более сочетались с политическими настроениями; кризис, открывшийся в ходе революционизации общества, превращал религию в один из возможных противовесов духовной эволюции. Каким образом работал этот противовес, был ли он эффективным социальным инструментом – этот немаловажный аспект актуализирует проблему изучения не только церковной идеологии, но и повседневной религиозной культуры православного населения как центральных районов России, так и ее окраин.

Материалы и методы

Для осмысления феномена повседневной религиозной культуры в исторической ретроспективе был использован статистический анализ и метод, известный в Западной Европе, как «восстановление истории семьи», на основе обработки массовых источников учета населения одной из провинций Русского Севера за 1863–1917 гг.

Обсуждение

Н.А. Бердяев, наблюдавший за развитием ситуации вокруг религиозного сознания перед революцией 1917 г., отмечал, что «старая вера слабеет», и указывал на пагубные последствия порчи нравственности [1].

Однако подтвердить или опровергнуть данные наблюдения историческая наука может, лишь привлекая для анализа источников подходы и методы реконструкции повседневности.

Б.Н. Миронов в своем исследовании предпринял попытку оценить религиозную ситуацию в Российской империи, опираясь на сведения официальной и церковной статистики [2]. Важным в этом подходе было то, что он стремился взять общероссийские материалы и увидеть общую картину для многомиллионного населения страны. На основе анализа таких показателей, как непосещение исповеди во время Пасхи, снижение рождаемости через 9 месяцев после Великого поста, доля населения, практиковавшая половое воздержание во время Великого поста, автор приходит к выводу о том, что религиозность православного населения не понижалась [3].

Вместе с тем дискуссионным представляется вопрос о качестве данных официальной и церковной статистики, которыми пользовался Б.Н. Миронов. В одной из предыдущих работ нам уже приходилось писать о том, к каким статистическим искажениям приводило отсутствие научно-организованного механизма статистического учета населения в Российской империи до учреждения института всеобщей переписи и в перерывах между переписями [4]. Что касается церковной статистики посещения исповедей, резонно поставить вопрос о возможности сознательного завышения этих показателей подателями этих сведений в виду того, что на основе этой статистики о состоянии прихода могло судить вышестоящее духовное начальство.

Результаты

Поставив под сомнение качество результатов статистического учета, можно обратиться к первичным материалам – метрическим книгам, на основе которых, собственно, формировалась значительная часть статистики населения Российской империи. В метрических книгах заносились сведения по рождениям, смертям и бракам.

В качестве эмпирического среза был выбран комплекс сохранившихся метрических книг за 1863–1917 гг. по городу Кола Архангельской губернии. Были сформированы три электронные базы данных: по родившимся, по умершим и вступившим в брак [5]. Верификация базы данных обеспечивалась привлечением альтернативного источника – погодной духовной росписи по Кольскому приходу [6], включавшей список населения г. Колы (их комплекс сохранился за 1841–1917 гг.), а также генеалогической реконструкцией всех семейно-родственных коллективов, проживавших в Коле 30 и более лет. Результаты данного исследования нашли отражение в историко-генеалогическом атласе «Коляне» [7]. Тем самым был создан информационный ресурс, с помощью которого можно отслеживать судьбу каждого жителя города во второй половине XIX – начале XX в. Такой «поголовный» учет позволил усомниться в корректности данных текущей статистики, представляющей Архангельским губернским статистическим комитетом, и, напротив, выявил высокую коррелируемость с данными Всероссийской переписи 1897 г. [8]

Этот ресурс позволяет выявить социокультурную динамику местного населения Колы, в т.ч. реконструировать повседневную религиозную культуру, на основе точных данных.

Вышеуказанный подход оказался осуществимым, прежде всего, в виду низкой численности населения самого города, не превышавшей в досоветское время 1 тыс. чел. Распространить его на более крупные населенные пункты, состоявшие из многих приходов, представляется не всегда возможным в виду как трудоемкости процесса обработки, так и усложнения самой семейно-родственной структуры населения. Тем не менее данный опыт представляется полезным с точки зрения апробации новых методов реконструкции истории повседневности.

Следует также заметить, что с точки зрения изучения повседневной религиозной культуры приморский город Кола второй половины XIX – начала XX в. представлял собой своеобразное место: с одной стороны, как район Русского Севера, здесь функционировали и охранялись православные традиции; с другой стороны, близость к границе и обычность контактов с представителями других конфессий (лютеран, католиков) создавали дополнительный раздражитель, или локальный фактор, повседневной религиозной культуры.

Во второй половине XIX – начале XX века в маленькой Коле действовало четыре православных храма: Благовещенская церковь, кладбищенская Троицкая церковь, часовня во имя Всемилоственного Спаса, часовня во имя прп. Трифона Печенгского. Современники признавали, что религиозная культура в Коле довольно развита. Как писал в 1861 г. К.А. Соловцов, «коляне вообще набожны: каждый праздник церковь Божия полна народа; священнослужители пользуются должным

уважением и сильным авторитетом во всех случаях жизни своих прихожан. В целой Коле нет ни одного раскольника, и коляне гордятся этим: но все вообще имеют привязанность к иконам старинного письма, и все без исключения знаменуются двуперстным крестом, почитая его истинным» [9]. Каким образом проявила себя кольская религиозность в последующий период – попробуем рассмотреть с помощью инструментов количественного анализа.

Религиозность местного населения можно проследить в отношении исполнения им определенных духовных предписаний, послушания, соблюдения церковной дисциплины. Степень балансирования между запретом и снисходительностью к несоблюдению церковных традиций – одна из переменных величин религиозности верующих.

Одна из традиций связана с имянаречением новорожденного. При крещении младенца приходский священник предлагал родителям выбрать имя по святцам. Каждый день в святцах был отмечен определенным списком имен святых, чью память чтит Церковь. Считалось, что ребенка благочестивее всего назвать именем того святого, в день памяти которого, в соответствии со святцами, он родился. Иные имена, однако, давно уже вышли из обихода, трудно произносились, и священники, как правило, разрешали выбрать другие имена, записанные в ближайшие дни по святцам.

Чем дальше отстоял день памяти святого от дня рождения ребенка, тем более игнорировались церковные традиции, и наоборот.

По предреволюционным изданиям святцев [10], месяцеслова [11] и современному Православному церковному календарю [12] были выявлены подневные списки святых, канонизированных Церковью к середине XIX в. На примере г. Кола определялось временное расхождение между днями рождения новорожденных мужского пола и днями их именин (памяти одноименного святого). При наличии нескольких святых с одинаковыми именами принималось во внимание тот из них, чей день памяти значился ближе всего к дню рождения ребенка. В среднем за период 1863–1917 гг. отклонение составило 1,9 дня, что показывает высокую степень соблюдения данной традиции. Но в исторической ретроспективе происходил процесс медленного нарастания отклонения от 1,36 дня в 1863–1870 гг. до 3,4 дня в 1911–1917 гг., что не могло не свидетельствовать о том, что процесс обмирщения повседневной культуры происходил крайне неинтенсивно, встречая сопротивление традиционных структур сознания, а также, что не исключено, авторитет приходского духовенства (табл. 1).

Таблица 1

Расхождение между днями рождения и именинами для новорожденных жителей г. Кола мужского пола в 1863–1917 гг.

Период	Кол-во рождений, чел.	Показатель расхождения, дней
1863-1870	144	1,36
1871-1880	156	1,51
1881-1890	106	1,76
1891-1900	97	2,31
1901-1910	121	1,99
1911-1917	70	3,40

Интересно сравнить эти данные и по периоду 1915–1917 гг., когда в результате строительства Мурманской железной дороги Кола наполнилась мигрантами, приехавшими из разных регионов России [13]. В среде местных жителей отклонение составляло 3,4 дня, тогда как среди мигрантов – 4,7 дня, что свидетельствует о связи религиозности со степенью адаптированности человека к местному культурному ландшафту. Следует, что чем более он адаптирован, тем больше у него возможности удовлетворять свои духовные потребности и соблюдать традиции, установленные Церковью.

При разбивке данного показателя по конкретным мужским именам среди местных жителей Колы за 1863–1917 гг. (табл. 2) выясняется, что наибольшие отклонения соответствовали именам Николай (6,0 дней) и Константин (3,09 дня). Правда, можно предположить, что популярность имени Николай скорее свидетельствовала о религиозной, нежели о светской моде. Особо почитался среди мореплавателей Николай Угодник – в память о нем на Русском Севере возводились многочисленные церкви и часовни («от Архангельска до Колы тридцать три Николая»).

Таблица 2

Расхождение между днями рождения и именинами для новорожденных жителей г. Кола мужского пола по самым распространенным именам в 1863–1917 гг.

Имя	Количество, чел.	Показатель расхождения, дней
Александр	41	2,51
Алексий	15	0,80
Андрей (Андриан)	32	1,25
Антон (Антоний)	10	1,90
Василий	36	1,81
Георгий	27	1,56
Григорий	10	1,00
Дамиан	10	0,20
Дмитрий (Димитрий)	15	1,73
Иаков (Яков)	23	1,17
Иоанн (Иван)	64	0,84
Константин	11	3,09
Михаил	33	1,58
Николай	31	6,00
Павел	33	2,00
Петр	29	1,28
Семен (Симеон)	13	1,15
Сергий	14	2,64
Степан (Степан)	16	1,69
Федор (Феодор)	31	1,97
Филипп	11	1,45

Группа показателей привязана к дисциплине соблюдения постов, в частности, Великого (февраль – апрель) и Рождественского (ноябрь – декабрь). Анализ показателей по г. Кола за 1863–1917 гг. показывает, что в марте и декабре Церковь не регистрировала браков (табл. 3).

Таблица 3

Сезонность браков среди жителей Колы в 1863-1917 гг.

Месяц	Количество	%
Январь	131	41,9
Февраль	51	16,3
Март	0	0
Апрель	17	5,4
Май	6	1,9
Июнь	4	1,3
Июль	12	3,8
Август	4	1,3
Сентябрь	12	3,8
Октябрь	34	10,9
Ноябрь	42	13,4
Декабрь	0	0
Всего	313	100

Но если данную процедуру легко было контролировать приходскому священнику, то, например, зачатие детей во время постов становилось совершенно бесконтрольным нарушением, полностью зависящим от религиозного сознания. Сезонность зачатий реконструируется на основе сезонности рождений детей, с естественным смещением кривой на 9-месячный период беременности матери. Полученные усредненные данные за 1863–1917 гг. свидетельствуют, что во время Великого поста, в марте, происходило резкое сокращение удельной доли зачатий по сравнению с февралем (на треть, с 10,2 до 7,6 %): церковное влияние, таким образом, действовало.

Таблица 4

Сезонность зачатий среди жителей Колы в 1863–1917 гг.

Месяц	Кол-во	%
Январь	158	11,7
Февраль	137	10,2
Март	103	7,6
Апрель	90	6,7
Май	77	5,7
Июнь	101	7,5
Июль	84	6,2
Август	94	7,0
Сентябрь	115	8,5
Октябрь	144	10,7
Ноябрь	128	9,5
Декабрь	118	8,7
Всего	1349	100

Определенный вклад в эту тенденцию, правда, вносил и традиционный уход мужчин на промысел в весеннее время. Но после исчезновения весеннего промысла в начале XX века [14] спад удельной доли зачатий в марте по сравнению с февралем сохранился (с 7,8 до 5,2 %), что подтверждает религиозную мотивацию «мартовского» воздержания (табл. 5). Рождественский пост в декабре, впрочем, уже слабее влиял на половую активность: в среднем за 1863–1917 гг. сокращение удельной доли зачатий в декабре по сравнению с ноябрем незначительно – с 9,5 до 8,7 % (табл. 4).

Таблица 5

Сезонность зачатий среди жителей Колы в 1863–1917 гг. по периодам

Месяц	1863–1870		1871–1880		1881–1890		1891–1900		1901–1910		1911–1917	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
I	33	12,5	40	12,4	23	11,3	21	11,2	29	12,6	12	8,4
II	32	12,2	32	10,0	17	8,3	26	13,9	18	7,8	12	8,4
III	19	7,2	29	9,0	15	7,4	17	9,1	12	5,2	11	7,7
IV	15	5,7	16	5,0	11	5,4	19	10,2	21	9,1	8	5,6
V	13	5,0	12	3,7	15	7,4	11	5,9	15	6,5	11	7,7
VI	15	5,7	17	5,3	17	8,3	16	8,5	18	7,8	18	12,6
VII	24	9,2	16	5,0	12	5,9	5	2,7	17	7,3	10	7,0
VIII	24	9,2	18	5,6	20	9,8	10	5,3	12	5,2	10	7,0
IX	18	6,9	40	12,4	12	5,9	10	5,3	26	11,2	9	6,3
X	24	9,2	40	12,4	18	8,8	20	10,7	23	10,0	19	13,2
XI	21	8,0	31	9,6	21	10,2	19	10,2	19	8,2	17	11,9
XII	24	9,2	31	9,6	23	11,3	13	7,0	21	9,1	6	4,2
Всего	262	100	322	100	204	100	187	100	231	100	143	100

Количество внебрачных рождений, не поощрявшихся строгой церковной моралью, в Коле имело тенденцию к медленному росту, достигнув в 1891–1900 гг. 11,8 % от общего числа родившихся (табл. 6) [15].

Таблица 6

Количество внебрачных рождений среди жителей Колы в 1863–1917 гг.

	Всего рождений	Из них внебрачных	%
1863-1870	262	27	10,3
1871-1880	322	30	9,3
1881-1890	204	22	10,8
1891-1900	187	22	11,8
1901-1910	231	14	6,1
1911-1917	143	16	11,2

Имела место и повторность браков: 2-й брак, на который Церковь смотрела снисходительно, стал обычным явлением, а вот 3-й брак, рассматривающийся в православии преступлением (по

словам Василия Великого, «на троебрачие нет закона» [16]), стал скорее исключением. За 1863–1917 гг. приходские священники зарегистрировали в 3-м браке лишь 4 человека (табл. 7) [17].

Таблица 7

Повторность браков среди жителей Колы в 1863–1917 гг.

Годы	Абс., ед.			%				
	Всего	1 брак	2 брак	Всего	1 брак	2 брак	3 брак	
Мужчины								
1863-1870	53	49	3	1	100	92,4	5,7	1,9
1871-1880	79	64	15	0	100	81,0	19,0	0
1881-1890	47	41	5	1	100	87,2	10,7	2,1
1891-1900	62	60	2	0	100	96,8	3,2	0
1901-1910	43	39	4	0	100	90,7	9,3	0
1911-1917	29	26	3	0	100	89,7	10,3	0
Женщины								
1863-1870	53	46	7	0	100	86,8	13,2	0
1871-1880	79	66	13	0	100	83,5	16,5	0
1881-1890	47	39	7	1	100	83,0	14,9	2,1
1891-1900	62	60	2	0	100	96,8	3,2	0
1901-1910	43	34	8	1	100	79,1	18,6	2,3
1911-1917	29	27	1	1	100	93,0	3,5	3,5

Выводы

Если подводить итоги, можно сказать, что выводы Б.Н. Миронова об устойчивости религиозных традиций православного населения Российской империи накануне революции 1917 г., по первичным материалам учета населения г. Кола, с применением других методик обработки, подтверждаются [18]. Социальная модернизация на северной окраине Российской империи мало ущемляла повседневную религиозную культуру. Атеизм, который был принесен вихрем революции 1917 г., будет навязан маленькой Коле извне: к этим трансформациям на месте не было серьезных предпосылок [19].

Разработка техники «измерения» повседневной культуры получает в современных условиях актуальность, в частности, в связи с попытками усовершенствовать методику вычисления индекса человеческого потенциала в части показателя, характеризующего культуру или состояние нравственности населения, взамен стоимостного критерия уровня жизни [20]. Такие понятия, как «культура» или «нравственность», трудно поддаются любому измерению, но совершенно очевидно, что они не могут быть рассмотрены вне связи с традициями, без учета наработанной веками народной культуры.

Примечания:

1. Бердяев Н.А. О святости и честности // Бердяев Н.А. Судьба России: Кн. статей. М.: ЭКСМО, 2007. С. 92
2. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. Т.2. С.326-332.
3. Миронов Б.Н. Указ. Соч. С.330.
4. Малашенков А.А., Федоров П.В. Коляне (XIX – первая четверть XX в.): Историко-генеалогический атлас. Мурманск: МГГУ, 2011. Доп. часть. С.11-13.
5. Государственный архив Мурманской области (ГАМО). Ф.И-16. Оп.1. Д.91-а, 98-а, 131-а, 182-а, 234-а; Ф.И-136. Оп.1. Д.28, 65, 67, 68, 72, 76, 84.
6. ГАМО. Ф.И-16. Оп.1. Д.89, 96, 131, 156, 189, 195, 197-а, 205, 211, 216, 218, 220, 224, 230, 234, 239.
7. Малашенков А.А., Федоров П.В. Коляне (XIX – первая четверть XX в.): Историко-генеалогический атлас. Мурманск: МГГУ, 2010. Ч.1-II.
8. Малашенков А.А., Федоров П.В. Коляне (XIX – первая четверть XX в.): Историко-генеалогический атлас. Мурманск: МГГУ, 2011. Доп. часть. С.11-13.
9. Соловцов К. Очерки истории Архангельской губернии. Кола // Архангельские губернские ведомости. 1861. № 32. С.263

10. Святцы с приложением тропарей и кондаков на двенадцатые праздники и воскресных тропарей. М.: типография С. Орлова у Бородинского моста, 1881. 144 с.
11. Месяцеслов всего лета. СПб.: Синодальная типография, 1908. 312 с.
12. Православный церковный календарь. 2010. М.: Издательство Московской Патриархии, 2009. 224 с.
13. ГАМО. Ф.И-16. Оп.1. Д.84, 87, 90, 96.
14. Ушаков И.Ф. Кольская земля. Мурманск, 1972. С 436, 438.
15. Малашенков А.А., Федоров П.В. Коляне (XIX – первая четверть XX в.): Историко-генеалогический атлас. Мурманск: МГПУ, 2010. Ч.1. С.48.
16. URL: http://lubovbezusl.ucoz.ru/publ/ljubov/ljubov_k_blizhnemu/tainstvo_braka/5-1-0-430
17. Малашенков А.А., Федоров П.В. Коляне (XIX – первая четверть XX в.): Историко-генеалогический атлас. Мурманск: МГПУ, 2010. Ч.1. С.44.
18. Миронов Б.Н. Указ. соч. С.330.
19. Малашенков А.А., Федоров П.В. Коляне (XIX – первая четверть XX в.): Историко-генеалогический атлас. Мурманск: МГПУ, 2010. Ч.1. С.24.
20. Сигов В.И., Карпова Г.А., Сигова М.В. Расширенное воспроизводство трудового потенциала как основной критерий становления и развития экономики знаний // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2013. № 5 (83). С. 4-13.

References:

1. Berdyaev N.A. About the sanctity and integrity // Berdyaev N.A. The fate of Russia: Book articles. М.: ЕНКМО, 2007. S. 92
2. Mironov B.N. Social History of Russian Empire period (XVIII - beginning of XX century.) The genesis of the individual, democratic family, civil society and the rule of law. SPb.: Dmitriy Bulanin, 1999. T.2. S.326-332.
3. Mironov B.N. Ibid. S.330.
4. Malashenkov A.A., Fedorov P.V. Kolyane (XIX - the first quarter of the XX century): Historical and genealogical atlas. Murmansk: MGGU, 2011. Additional part. S.11-13.
5. State Archive of Murmansk Region (SAMR). F.I-16. Op.1. D.91-a, 98-a, 131-a, 182-a, 234-a; F.I-136. Op.1. D.28, 65, 67, 68, 72, 76, 84.
6. SAMR. F.I-16. Op.1. D.89, 96, 131, 156, 189, 195, 197-a, 205, 211, 216, 218, 220, 224, 230, 234, 239.
7. Malashenkov A.A., Fedorov P.V. Kolyane (XIX - the first quarter of the XX century): Historical and genealogical atlas. Murmansk: MGPU, 2010. Part I-II.
8. Malashenkov A.A., Fedorov P.V. Kolyane (XIX - the first quarter of the XX century): Historical and genealogical atlas. Murmansk: MGGU, 2011. Additional part. S.11-13.
9. Solovcov K. Studies in the History of the Arkhangelsk province. Kola // Arhangel'skie gubernskie vedomosti. 1861. № 32. S. 263.
10. Svyatcy s prilozheniem troparej i kondakov na dvunadesyatye prazdniki i voskresnyh troparej. М.: tipografiya S. Orlova u Borodinskogo mosta, 1881. 144 s.
11. Mesyaceslov vsego leta. SPb.: Sinodal'naya tipografiya, 1908. 312 s.
12. Orthodox church calendar. 2010. М.: Izdatel'stvo Moskovskoj Patriarhii, 2009. 224 s.
13. SAMR. F.I-16. Op.1. D.84, 87, 90, 96.
14. Ushakov I.F. Kola land. Murmansk, 1972. S 436, 438.
15. Malashenkov A.A., Fedorov P.V. Kolyane (XIX - the first quarter of the XX century): Historical and genealogical atlas. Murmansk: MGPU, 2010. Part I. S. 48.
16. URL: http://lubovbezusl.ucoz.ru/publ/ljubov/ljubov_k_blizhnemu/tainstvo_braka/5-1-0-430
17. Malashenkov A.A., Fedorov P.V. Kolyane (XIX - the first quarter of the XX century): Historical and genealogical atlas. Murmansk: MGPU, 2010. Part I. S.44.
18. Mironov B.N. Ibid. S.330.
19. Malashenkov A.A., Fedorov P.V. Kolyane (XIX - the first quarter of the XX century): Historical and genealogical atlas. Murmansk: MGPU, 2010. Part I. S.24.
20. Sigov V.I., Karpova G.A., Sigova M.V. Expanded reproduction of labor potential as the main criterion for the formation and development of the knowledge economy // Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ehkonomicheskogo universiteta. 2013. № 5 (83). S. 4-13.

**Между запретом и снисходительностью:
повседневная религиозная культура православного населения русского севера
во второй половине XIX – начале XX века**

¹ Павел Викторович Федоров

² Алексей Анатольевич Малашенков

¹ Международный банковский институт, Российская Федерация
Руководитель Лаборатории геокультурных исследований и разработок
Доктор исторических наук, профессор
Невский пр., 60, Санкт-Петербург 191011
E-mail: Sever-Nordica@yandex.ru

² Мурманская государственная областная универсальная научная библиотека, Российская Федерация
Главный библиограф отдела электронной библиотеки
ул. С. Перовской, 21а, Мурманск 183038
E-mail: ruslib@mgounb.ru

Аннотация. В статье предложен новый подход к изучению повседневной религиозной культуры православного населения. На основе реконструкции демографических данных по первичным источникам учета населения за 1863–1917 гг. по г. Кола Архангельской губернии выявлена степень соблюдения православных традиций: по имянаречению, брачному и половому воздержанию во время Великого и Рождественского постов, рождению детей вне браков, совершению повторных браков. Делается вывод о слабом влиянии процесса социальной модернизации на религиозность местного населения Русского Севера. Атеизм революции 1917 г. был навязан маленькому городу извне.

Ключевые слова: Кольский Север, модернизация, повседневность, православие, демография, генеалогия, статистика, экономика, Российская империя.